

ИДЕИ И. КАНТА В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО ПЕРСОНАЛИЗМА

Е.Е. Михайлова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Михайлова Е.Е., 2024

DOI: 10.46573/2409-1391-2024-3-20-25

***Аннотация.** Исследовано влияние философии Канта на воззрения представителей русского персонализма рубежа XIX–XX вв. Отмечено, что каждого философа-персоналиста – А.А. Козлова, Н.О. Лосского, Л.М. Лопатина – интересовал особый аспект из наследия Канта. Внимание сфокусировано на этико-психологических изысканиях Лопатина, который творчески активизировал ряд положений Канта. Выявлено, что Лопатин как сторонник «этического персонализма» переосмыслил моральный императив, сформулированный Кантом, в этико-психологическом контексте. Сделан вывод, что моральный выбор Лопатина, в сравнении с постулатами философии Канта, носит субъективный характер и может резонировать сквозь призму личностного опыта.*

***Ключевые слова:** И. Кант, русский персонализм, Л.М. Лопатин, моральный закон, личностный опыт.*

Русский персонализм как направление философской мысли рассматривается исследователями в виде своеобразного компромисса между экзистенциализмом и социологией. Алексей Александрович Козлов (1831–1901), Лев Михайлович Лопатин (1855–1920), Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) разработали концепции, в которых, по их собственному признанию, отталкивались от критической философии Иммануила Канта. Так, Козлов посвятил известному немецкому метафизику свое сочинение «Генезис теории пространства и времени Канта» (1884). Чуть позже он прямо напишет: «К Канту я обратился под влиянием шопенгауэровской философии ..., к которой перешел от материализма и позитивизма. Кант имел на меня менее сильное влияние, чем сам Шопенгауэр» [2, с. 600–601]. Лосский поддерживает мысль, высказанную ранее И.Г. Фихте, о том, что «без понятия "вещи в себе" нельзя войти в систему Канта, но с понятием этим нельзя в ней оставаться» [2, с. 635].

Каждого философа-персоналиста интересовал особый аспект из наследия Канта. В частности, А.А. Козлов концентрировался на онтологии немецкого метафизика (генезисе теории пространства и времени Канта), Н.О. Лосский – на гносеологии (трансцендентности знания и принципе имманентности), Л.М. Лопатин – на этике. Если суммировать воззрения русских персоналистов, то в кантовском наследии они выделяли два важных тезиса: первый – Кант разграничил феноменальный и ноуменальный миры сквозь призму рационального познания; второй – метафизическое бытие у Канта выступает по отношению к видимому миру в качестве трансцендентной реальности. Главный антитезис русских идеалистов-реалистов, как их называют А.И. Бродский и А.Е. Рыбас, в отношении постулатов Канта звучал следующим образом: «... человек не остается в полном неведении относительно этой трансцендентной реальности, так как может "обнаружить" ее в глубине своего "духовного Я"» [1, с. 96].

Позиция русских персоналистов, несмотря на очевидную вариативность, сводилась к актуальной и чувствительной для тех времен готовности устранить противоположность между знанием и бытием, выявить дополнительные возможности проявления свободы воли человека. В этом смысле наиболее последовательную интерпретацию идей И. Канта можно найти в философии Л.М. Лопатина. Таким образом, цель статьи заключается в том, чтобы ознакомить читателей с этико-психологическими изысканиями Лопатина.

Исследователи привлекают наше внимание к выводам о том, что познавательные и этические искания Л.М. Лопатина опираются на этические суждения Канта [8; 9]. Кант для Лопатина – это мыслитель, чья критическая оценка всеисильности разума привела не к разочарованию, а к перенастройке понимания проблемы: «Для него [для Канта. – Е. М.], как и для Декарта, неудача рационализма в прошлом была только доказательством того, что разум неверно понимал свои задачи и назначение» [7, с. 59].

Для Лопатина Кант – «рационалист, равного которому по смелости не было в истории» [7, с. 62]. Тезис Канта о том, что сознание человека не только помогает судить о разнообразии наших восприятий, но и стягивает воедино прошлое и настоящее, на взгляд русского философа, важен не только для теории познания, но и для психологии. «Наш опыт потому только разворачивается в стройной, единой, закономерной картине, что наше познающее и мыслящее я обладает само изначальным внутренним единством: нельзя представить единства познаваемых объектов без абсолютного единства мыслящего субъекта» [7, с. 61].

На заседании Московского психологического общества в своей речи, посвященной памяти Канта, Лопатин раскрывает заслуги и противоречия философии немецкого классика. В числе достоинств особо выделены два: 1) учение об идеальности пространства и времени, которое заставляет обратить внимание на субъективное представление о них; 2) учение о человеке как субъекте познания, согласно которому постулируется «коренное значение единства сознания для самой возможности опыта» [7, с. 64].

Лопатин анализирует нравственные положения Канта с конструктивно-критической позиции. Русский персоналист соглашается, что универсальность и автономность разума простираются за пределы познания в нравственную сферу. В религии разум внушает понимание жизни, согласованное с высшими ценностями; в искусстве он безотчетно присутствует в субъективном творчестве художника, осознанно или бессознательно реализующего нормы прекрасного; в повседневной жизни автономность разума проявляется в моральном выборе [7, с. 59].

Однако, на взгляд Лопатина, Кант не пошел дальше обоснования сути природы, ее физических и математических начал. Классик метафизики рассматривает диалог человека и природы в рациональной и эстетической плоскости. Согласно воззрениям Канта, могущество природы возбуждает в людях особые силы, вызывает эмпирический интерес к возвышенному; в индивиде заложена способность «судить о природе без страха и мыслить наше назначение в том, чтобы возвышаться над ней» [3, с. 135].

Суть этики Канта сводится Лопатиным к следующему: нравственный закон предшествует всякому опыту, ему свойственна совершенная отвлеченность, он не может подразумевать какие-либо человеческие отношения и устремления. Лев Михайлович выводит цепочку рассуждений Канта: человек в своих поступках может руководствоваться различными правилами, но их «цена и обязательность» не одинакова; практические предписания имеют рекомендательный характер; нравственный закон есть «безусловная обязательность» [5, с. 474].

Что побуждает человека соблюдать нравственный закон? Ответ: не чувственные побуждения, не интересы, а уважение к самому себе. «Действие нравственно воистину лишь тогда, когда оно безусловно возбуждается *одним* уважением к нравственному закону во всеобщности его предписаний», – так интерпретирует Канта Лопатин [5, с. 477]. Для убедительности он иллюстрирует ракурс понимания «нравственно доброго» примерами из рассуждений самого Канта. Например, почему обманывать или подавать милостыню нищему – это равным образом безнравственно? Потому что ложь и жалость не могут быть всеобщим законом. В первом случае люди никогда бы не верили друг другу, обман не достигал бы своей цели; во втором случае люди лишь удовлетворяли бы свои личные прихоти.

Лопатин – сторонник этического персонализма, как называл его В.В. Зеньковский в «Истории русской философии» [2, с. 619]. Суть этического персонализма Лопатина сводится к двум ключевым рассуждениям: 1) свобода человека ярче всего открываются в моральном сознании, т.е. в сознании, предполагающем сомнение и перенастройку своих действий и мыслей; 2) воля и творчество проявляются в возможности осуществить нравственный перелом, т.е. постичь глубинный процесс ценностного перерождения личности.

Переосмысливая моральный императив Канта в этико-психологическом плане, Лопатин вводит такие понятия, как личностный опыт, личностный долг и личностный выбор. Начиная разговор о нравственной проблематике, Лопатин отталкивается от популярной в его время теории «безразличного произвола». В сжатом виде суть этой теории можно выразить так: каждый осознанно живущий человек свободен в том смысле, что в любой момент может поступать прямо противоположным образом. Критикуя такую позицию, Лопатин считает, что она опасна тем, что идет против логики и претит нравственному чувству. Свобода и ощущение самости как субъективные впечатления личности исключают адекватное понимание действия, которое можно оценить в неимоверно широкой амплитуде – «от величайшего зла до величайшего добра». Потворствовать своему нравственному выбору – значит снять с себя ощущение ответственности [6, с. 357].

Согласно воззрениям Лопатина, нравственная свобода – это состояние человека, обусловленное необходимыми мотивами, которые действуют не сами по себе, а через механизм воли. Уникальность человека заключается в том, что ему имманентно присуще внутреннее последовательное желание совершенствовать настоящее и перенастраивать свои мысли и действия. Для сторонников свободы воли, по мнению Лопатина, важна субъектная природа перестановки мотивов. Предвещая упреки адептов свободы воли, он подчеркивает, что именно человек совершает перестановку мотивов подлинным усилием своей воли, новым актом своей духовной жизни. В чувствованиях, побуждениях, интересах человека всегда присутствует активный элемент. И эта деятельная сила, по Лопатину, есть воля. Воля взаимосвязана с представлениями – объективными или интуитивными моментами восприятия в виде образов, фантазий или идей. Персонифицируясь во внутреннем опыте человека, воля олицетворяет власть и готовность к действию, а представления – понимание и смысл [6, с. 151].

Лопатин всецело проникся суждением Канта о свободе как внутренней ценности личности. Немецкий философ связывал свободу с таким понятием, как обязанность перед самим собой. Под этим подразумевались безусловные для выполнения действия, характеризующиеся тем, что они не имеют отношения «к целям блаженства», «независимы от всяческих выгод», рассчитаны на сохранение «достоинства человечности». «Обязанности перед самим собой суть верховное условие и начало

всякой нравственности, ибо ценность лица составляет моральную ценность, ценность же умения относится лишь к его состоянию», – читаем у Канта в разделе «*Philosophia Practica Universalis*» лекций по этике [4, с. 123].

Если составить единый смысловой ряд обязанностей перед самим собой, то видно, что в рефлексии Канта есть два уровня понимания границ свободы личности: 1) человек имманентно наделен способностью к соблюдению всех моральных обязанностей; 2) он обладает рациональной возможностью ограничивать свою свободу, чтобы «быть в собственных глазах достойным внутренней чести» [4, с. 126].

Как и Кант, Лопатин связывает понятие нравственности с идеей свободы. Однако связь этих понятий у него выходит иная. Говоря о нравственных императивах, немецкий философ задавался вопросом: «Но почему же я должен подчиняться этому принципу, и притом как разумное существо вообще, стало быть, тем самым [должны подчиняться] и все другие существа, наделенные разумом?» [4, с. 271]. И сам же отвечал, что объективно существует «обязательность морального закона», которому следует разумный человек [4, с. 272].

У Лопатина ответ выглядит иным образом. Он считает, что никакой обязательный интерес не может быть побудительным основанием для морального выбора. Только «положительное условие нравственной свободы» дает человеку возможность примкнуть к миру добра или зла, принести пользу себе и другим или получить выгоду только для себя. Лишь свободно мыслящий и действующий человек способен сбалансировать свои противоположные влечения и нести ответственность за то, какой выбор им сделан [6, с. 369].

Важной характеристикой человека, считает Лопатин, является способность сомневаться. Сомнение, на его взгляд, проявляется в момент морального выбора в триединстве рациональной, чувственной и волевой природы. Сомнение способно стимулировать нравственный переворот в человеке. Нравственный переворот, в отличие от выбора, – это серьезный процесс перерождения личности. Выбор предполагает переход из-под власти одной своей природы под власть другой; выбор может быть чувственным, интеллектуальным или волевым; выбор осуществляется неоднократно и предполагает корректировку стремлений человека.

Нравственный переворот, утверждает Лопатин, аккумулирует потенциал всех жизненных сил человека и характеризует его как напряжение творческой мощи, с которым не сравнится никакая другая сила [6, с. 374]. Содержательно, считает Лопатин, для нравственного преображения нужны веские основания, а во временном ключе – нередко целая жизнь. В отличие от выбора нравственный переворот совершается раз и навсегда. Он не имеет обратного хода, не может быть переигран заново в связи с открывшимися новыми потребностями человека.

В рассуждениях Лопатина о взаимосвязи сомнения и нравственного выбора видна символическая «дорожка»: сомнение как триггер выбора – моральный выбор (делается постоянно) – нравственный переворот (свершается единожды). Моральный выбор – это самостоятельный переход человека из-под власти одних своих представлений во власть других. Выбор совершается, как правило, в противоречивой ситуации, когда человек стремится принять собственное решение. Лопатин нюансирует нравственный выбор. С психологической точки зрения он может иметь резонанс, так как в сознании человека укоренены противоречивые стремления. Поэтому человек может стремиться к разному: достичь морального образа мысли и действия; отказаться от искушения; следовать здравому смыслу; желать получить пользу или принести ее другому и т. д.

Момент выбора всегда сопряжен с сомнением, проявляющимся в триединстве форм – чувств, мышления и воли. Сомнение порождает напряженное ощущение ответственности за сформулированную мысль или осуществленное действие. Ощущение ответственности приводит к новому пониманию и пересмотру сделанного выбора. Творческая причинность, на которую способен человек, может вдохновить его на нравственный переворот. По замыслу Лопатина, нравственный выбор можно «переиграть», выстроить по-другому. Однако это становится невозможным, когда речь идет о свершившемся единожды нравственном перевороте.

В отличие от учения Канта, представлявшего формы и законы разума как своего рода фатальную силу, философия этического персонализма Лопатина представляет нравственный выбор как возникающий через субъективную деятельность личности и персонализацию ее выбора. Работы Лопатина показывают, что чувства и разум организуют действие, а сомнение стимулирует и перенастраивает результат. Таким образом, процесс поиска истины (гносеология) и нравственный выбор (этика) выступают как проявление личностного проживания действительности. В сравнении с постулатами философии Канта моральный выбор Лопатина носит субъективный характер и может резонировать в самых разных формах сквозь призму личностного опыта.

Библиографический список

1. Бродский А.И., Рыбас А.Е. Проекты Серебряного века: философские идеи русского модерна. СПб.: СПбГУ, 2013. 324 с.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект: Раритет, 2001. 880 с.
3. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
4. Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2000. 431 с.
5. Лопатин Л.М. Нравственное учение Канта // Кант: pro et contra. Рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции: антология / сост.: А.И. Абрамов, В.А. Жучков, А.А. Ермичева. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2005. 924 с.
6. Лопатин Л.М. Положительные задачи философии. Закон причинной связи как основа умозрительного знания действительности. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
7. Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи. М.: Academia, 1995. 328 с.
8. Михайлова Е.Е. Нравственный выбор и философия сомнения в работах Л.М. Лопатина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4 (114). С. 6–11.
9. Шибаева М.М. Отечественная «поэзия мысли» в пространстве полилога традиций // Философский полилог. 2021. Вып. 2 (10). С. 88–98.

IDEAS OF I. KANT IN THE PHILOSOPHY OF RUSSIAN PERSONALISM

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

***Abstract.** The influence of Kant's philosophy on the views of representatives of Russian personalism at the turn of the XIX–XX centuries is studied. It is noted that each personalist philosopher – A.A. Kozlov, N.O. Lossky, L.M. Lopatin – was interested in a special aspect of Kant's legacy. The attention is focused on ethical and psychological researches of Lopatin, who creatively activated a number of Kant's provisions. It is revealed that Lopatin as a supporter of "ethical personalism" reinterpreted the moral imperative formulated by*

Kant in an ethical-psychological context. It is concluded that Lopatin's moral choice, in comparison with the postulates of Kant's philosophy, is subjective and can resonate through the prism of personal experience.

Keywords: *I. Kant, Russian personalism, L.M. Lopatin, moral law, personal experience.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

About the author:

MIKHAILOVA Elena Evgenievna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

УДК 141.319.8

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Л.В. Удалова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Удалова Л.В., 2024

DOI: 10.46573/2409-1391-2024-3-25-30

Аннотация. *В статье рассмотрена неопределенность как индикатор современного мира и одна из его ключевых характеристик. Показано, что неопределенность, являясь характерной чертой картины мира человека, стала абсолютной, а определенность – относительной, при этом стремление человека защититься от неопределенности влияет на его выбор, принятие решения и поступки. Отмечено, что быстрое усложнение современного мира ставит перед людьми проблему, что делать и как справиться с такой сложностью. Указано, что решение проблемы возможно путем развития у человека соответствующей адекватной позиции по отношению к неопределенности, основанной на признании последней как неотъемлемого фактора бытия, где многомерность современного мира сопряжена с неопределенностью и одновременно с эволюцией возможностей человека, а позитивное отношение индивида к неопределенности становится продуктивным для его личностного развития, самоопределения и влияет на готовность делать выбор и принимать решения в условиях, которые заранее не заданы и не предначертаны.*

Ключевые слова: *человек, неопределенность, определенность, принятие решения, выбор, поступок, картина мира, самоопределение.*

Современный мир находится в преддверии радикальных перемен. Происходит осознание того, что такая идеология, как постмодернизм, господство которой длилось несколько десятилетий, уходит в прошлое, а неясные контуры парадигмы, приходящей на смену, не ясны, сомнительны, неоднозначны, непредсказуемы. В ситуации неопределенности, непредсказуемости перспектив в условиях глобальных противоречий